

Поет на украинском и грузинском, на чешском и французском говорит, в ней русской барыни и страстной одалиски смешался и глаголит колорит!

О. В. Иншаков

“А ДАЛЬШЕ МОЯ ЖИЗНЬ ТЕКЛА ТАК, КАК МНЕ ХОТЕЛОСЬ...”



София Топоровская (третья справа), 1943 г.

София Петровна Лопушанская никогда не отказывает журналистам в их желании пообщаться с ней. Вот и сейчас, получив согласие на “юбилейное” интервью, я терпеливо жду в кабинете НИИ истории русского языка, пока София Петровна даст ценные советы “деточке”-студентке о том, как с умом и со вкусом организовать очередное заседание клуба “Русичи”. Кажется, очередь вот-вот дойдет до меня, я уже тереблю блокнот, но нет, ложная тревога: профессор Лопушанская завтра едет в командировку, и надо успеть сделать необходимые распоряжения лаборантам и научным сотрудникам института. Понимаю. Жду. В голове мелькает: “Ну откуда у нее столько энергии, когда у многих молодых ее в десять раз меньше?”. Наконец слышу вопрос, обращенный ко мне: “Наташенька, что из наших научных достижений вас интересует, о чем мне надо рассказать?”. Я чуть не выпалила: “Все”, но удержалась. Мне давно хотелось спросить ее о детстве, о родителях, о юности... София Петровна долго молчит, кажется, в мыслях она уже где-то далеко.

— Меня никогда об этом не спрашивали, — после долгой паузы задумчиво произносит моя собеседница и соглашается отвечать на вопросы.

рем комсомольской организации (кстати, за это у нее была “привилегия”: всех детдомовцев брили наголо, а ей разрешили оставить чубчик).

— Детский дом дал все: возможность окончить школу, сочинять, видеть известных людей, писателей, выступать перед ними с концертами, — вспоминает Лопушанская. — В Тбилиси ведь в годы войны было эвакуировано очень много людей, составлявших интеллектуальную и творческую элиту страны. Их организованные встречи с нами, детьми, не были редкостью.

Особое место в тбилисских воспоминаниях Софии Петровны занимает директор детского дома Мария Алексеевна Двали. Это была удивительная женщина. Одному Богу известно, как ей удалось создать из той разношерстной массы беспризорников, сирот, “трудных”, “прилежных”, городских, деревенских, советских, испанских ребят, каковой были обитатели Навтлугского дома, Семью. Наверное, это была истинная Любовь. Мария Алексеевна всех детей крестила и приняла в комсомол... На первом месте в детском доме всегда был труд.

После школы Соня поехала к отцу; он, инвалид II-й группы, работал в трудовом лагере на станции Сортировочная под Свердловском. Поступала в театральное училище. Приняли. Однако учиться не стала, отец отговорил: “Не твое это...”.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

— Еще когда я была в детском доме, к нам приезжала министерская комиссия. Мы перед ними выступали — пели, плясали... Когда проверка закончилась, Мария Алексеевна показала мне экспертное заключение, в котором было несколько слов обо мне и цитата, обращенная непосредственно ко мне: “Будешь ты в университете, сон свершится наяву”...

Две странички министерского отчета решили Сонину судьбу: успешно пройдя собеседование, она становится студенткой филологического факультета МГУ.

(Окончание на стр. 4)

За ее плечами не просто эпоха. Эпохи... Мы перебираем пожелтевшие от времени снимки... Первые детские фотографии, еще живы отец и мать. Девочка в “матросском” костюме — это уже война, детский дом. Еще несколько лет — и перед нами студентка филологического факультета МГУ, счастливая, перед ней сто дорог! Жизнь, яркая и интересная, стремительно захватывает ее в свой водоворот: любовь — замужество — рождение сына... Впереди еще целая жизнь — жизнь, положенная на алтарь Науки.

ДЕТСТВО

Сонечка родилась 16 марта 1926 года в Полтаве. Вскоре после этого семья переехала в село Божедаровка Днепропетровской области, к родителям отца. Через два года снова переезд, на этот раз в Днепропетровск. Первые воспоминания и первые же детские Сонечкины стихи — о сыром, темном подвале, в котором поселились Топоровские. Сначала отец работал грузчиком, потом кузнецом (“фамильная” профессия — в Божедаровке все помнили “сильного, огромного” кузнеца, деда Сони).

— Чтобы понять, что у нас была за семья, надо представить себе атмосферу того времени, когда она появилась. 20-е годы... Молодые люди из деревни стремились попасть в город. Люди из разных социальных слоев, с разной религиозной ориентацией и с разным образовательным уровнем стали вдруг одной массой — горожанами. Сочеталось несовместимое. Мой отец был полуграмотным человеком — окончил лишь три класса из положенных четырех церковно-приходской школы. Мать не окончила гимназию. Самое большее, чего они достигли, — отец стал мастером, мама — учительницей математики в школе. Может быть, поэтому мои родители всегда хотели, чтобы их дети получили то, чего они сами не сумели получить. Прежде всего, это образование. Родители дали нам понимание того, что, если ты хочешь, добьешься всего.

Когда отец стал мастером, Топоровские переехали в новый дом. К тому времени семья пополнилась и членами — родной и двоюродные братья Сони (впоследствии ставшие докторами физико-математических наук) наполнили шумом, пением и детским смехом всегда гостеприимный и хлебосольный дом. Особого достатка в нем не было, покупка новой одежды всегда была проблемой, но вот книг было много. Дети учились музыке, балету, иностранному языку... Сонечка наизусть знала все партитуры опер, шедших на днепропетровской сцене. Денег, конечно, на билеты в театр у нее не было, но они с подружкой нашли выход: оказалось, что и на лестницах слышны любимые партии, может быть, чуть хуже, чем в партере... Летом 1941 года эта счастливая страница Сониного детства была безжалостно перевернута войной.

ВОЙНА. ДЕТСКИЙ ДОМ

После страшного сообщения Левитана о “вероломном нападении” за отцом пришли — надо было идти на фронт. Многозначительного и “романтичного”, как в кино, прощания с семьей не получилось: на это не было времени. Жизнь вокруг превратилась в ад. Казалось, будущего больше нет. Деда, бабушку и двоюродную сестру Сони фашисты закопали заживо...

16 августа началась эвакуация



С. П. и С. Т. Лопушанские, 1949 г.

школьников. Поезд, в котором ехала Соня, разбомбили где-то под Краснодаром. Бог ее уберег.

Тбилиси. Сонечку Топоровскую распределили в Навтлугский детский дом “особого режима”. До войны в нем жили только “трудные” дети — малолетние преступники, беспризорники. Теперь к ним добавились ребята, эвакуированные с оккупированных территорий Советского Союза и из Испании. Все, что осталось у Сони от детства, — грамота “Участнику олимпиады” да несколько

фотографий. В Тбилиси для нее началась взрослая жизнь. Первый выбор, который предстояло сделать, — это решить, в какой школе учиться — в детдомовской или городской? Для того, чтобы иметь возможность посещать городскую школу, надо было научиться зарабатывать. Работали по 4 часа в день на чулочной фабрике: сучили нитки, которые затем сматывались в бобину (мозоли на пальцах у Софии Петровны так и не прошли...). А после работы и школы было еще столько дел! Соня была секретарем

“А ДАЛЬШЕ МОЯ ЖИЗНЬ ТЕКЛА ТАК, КАК МНЕ ХОТЕЛОСЬ...”

— **Московский университет для меня — это чудо, это система образцов. Когда я поступила учиться, шла ведь еще война. Ученые, наши преподаватели, которые абсолютно ничего не имели (питались по карточкам, по той же норме, что и студенты, — 400 гр. хлеба), шли в холодные аудитории и читали блестящие лекции, делились с нами своим бесценным опытом, преподавая нам уроки истинного мастерства. До сих пор эти люди для меня — образец преданности науке, отношения к студентам. Моя первая книга посвящена именно им — моим Учителям.**

“Образцом” для юной студентки были не только преподаватели. Конец 1944-го, 45-й. В университетские аудитории возвращались с фронта студенты 41-го — кто контужен, кто без руки, кто без ноги... Для сокурсников они были чем-то вроде лакмусовой бумажки: “перед ними нельзя было прийти на семинар и нести чушь”. Именно среди них Соня встретила своего главного и единственного. А было так...

ВСТРЕЧА

День как день. Лето. Общежитие. Соня, староста комнаты, вместе со своими девятью соседками затеяли переезд. Выпал редкий шанс поселиться в “хорошую” комнату (чем она была так хороша, сейчас уже и не вспомнишь) — упустить нельзя никак. Все вещи упакованы в тюки и свалены в коридоре под охрану соседок. Соня идет на разведку. Обнаруживает, что в нужном помещении вместо бывших хозяев стоит совершенно незнакомый молодой человек с усами (ни дать ни взять грузин!), в гимнастерке, один рукав висит как плеть. “Глаза их встретились, лестница пошатнулась...”. На самом деле все было не так, не совсем так. Выяснив, что незнакомец ждет своих друзей, теперь уже почти бывших обитателей заветной комнаты, Соня оглядывает хозяйским взором будущие владения и начинает “допрос с пристрастием”: “Почему у вас затемнение оборвано?” и т.д. Постепенно все же завязывается нормальный разговор, Сергей упоминает, что недавно у него украли планшет с фронтowymi стихами. Соня сочувствует, рассказывает о кружке молодых поэтов при “Молодой гвардии”, который посещает, и просит Сергея почитать что-нибудь из своего: “Вы попробуйте, может быть, восстановите, а я все запишу”. Темнеет. Студент философского факультета Лопушанский стоит посреди комнаты (табуретка подпирает ногу, рука — подбородок) и самозабвенно читает удивительные стихи на русском и украинском. Соня зачарованно слушает. Тут, наконец, в комнату вва-

ливаются друзья Сергея: “Что это вы тут делаете в темноте?”. Оказывается, вечер только начинается.

Так как у Сони ордер на комнату, ночевать девчонкам негде, так же как и юношам, не успевшим выселиться, решено поделить комнату пополам тумбочками, сгрузить на “девичью” половину их тюфяки и ждать утра. В то время как девчата режут “вечный” винегрет, в гости к юношам приходит умопомрачительная особа в шляпе — “москвичка!”. И явилась она к тому самому “грузину”, о котором Соня уже успела шепнуть подружкам: “Мой будущий муж!”. Кто-то из ребят на “девичьей” стороне выручает: “Соня, спой что-нибудь грузинское”. И она спела. Сидя на тюфяках почти под потолком, во всю силу своего красивого и чистого голоса! А что “грузин”? Он поднимается из-за стола (как хорош он был тогда — “благородный облик интеллигента, офицера XIX века”) и идет к Соне с вопросом: “Девушка, а вы знаете украинские песни?”. Это она-то не знает! За песнями никто и не заметил, как ушла “москвичка”.

Целый месяц от Сергея не было ни слуху, ни духу. Соню уже исключили из очереди на единственную у подруг “выходную” белую блузку, предназначенную для “особых случаев” — свиданий. И вот день как день. Соня только что вымыла голову, наелась луку... Стук в дверь (мужской). О том, кто стучит, Соня догадалась в первую же секунду. На пороге стоял Сергей с другом. Оба в цивильных костюмах. Приглашают в гости. А блузка, между прочим, уже выдана... Ничего, и детдомовское платье сойдет! Вечер был удивительный: читали стихи, пели... (Месячное отсутствие Сергея Тимофеевича объяснялось просто: он ждал костюм по карточкам, не мог же он явиться к своей невесте в линялой гимнастерке...).

Они поженились. На 4 курсе Соня ушла в академический отпуск — родилась Костя (“Кетипашка” — так мальчик представлялся взрослым, сокращая свое полное имя). Двух “отличных” стипендий и Сережиной пенсии едва хватало на то, чтобы выкупить хлеб и пообедать в столовой для инвалидов ВОВ. Уже тогда они начали собирать свою библиотеку. Они были счастливы. В 1953 году Сергей Тимофеевич скончался — война так и не выпустила его из своих цепких, костлявых лап, отняв у него здоровье и силы.

ДАЛЬШЕ

— Дальше моя жизнь текла так, как мне хотелось, — закончила свой рассказ София Петровна. Надо было спешишь на служебный автобус.

Наталья Бергер